

Эши Бропте

АГНЕС ГРЕЙ
♦
НЕЗНАКОМКА
ИЗ УАЙЛДФЕЛЛ-ХОЛЛА
♦
СТИХОТВОРЕНИЯ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 88

Anne Brontë
AGNES GREY
THE TENANT OF WILDFELL HALL
POEMS

Перевод с английского
Нatalьи Бухтояровой, Александры Глебовской,
Ирины Гуровой, Татьяны Ивановой-Шелингер,
Софьи Микушиной, Елены Рукомойниковой, Анны Скворцовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

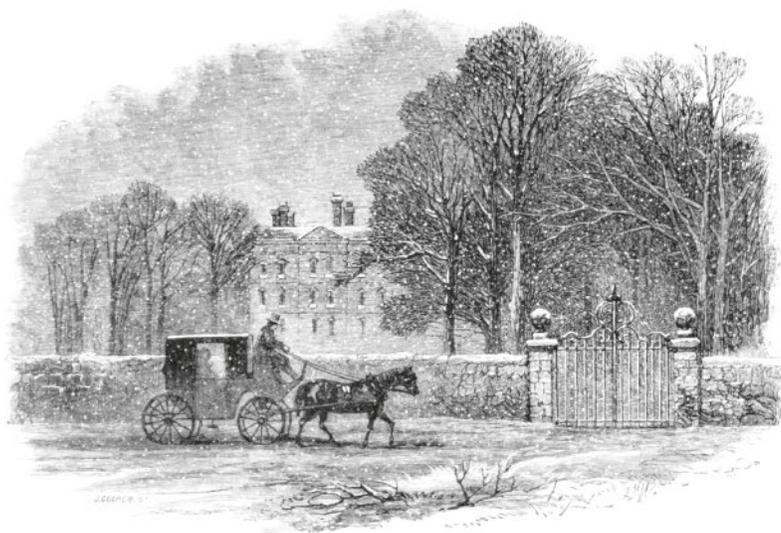
Иллюстрации
Эдмунда Дюлака, Джона Эверетта Милле,
Эдмунда Морисона Уимпериса

В оформлении использованы иллюстрации
© iStock/Getty Images Plus/

- © И. Г. Гурова (наследник), перевод, 2026
- © Н. А. Бухтоярова, перевод стихотворений, 2026
- © А. В. Глебовская, перевод стихотворений, 2026
- © Т. Н. Иванова-Шелингер, перевод стихотворений, 2026
- © С. В. Микушина, перевод стихотворений, 2026
- © Е. Г. Рукомойникова, перевод стихотворений, 2026
- © А. В. Скворцова, перевод стихотворений, 2026
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-32153-3

АГНЕС ГРЕЙ

Глава I

ДОМ ПРИ ЦЕРКВИ

Все правдивые истории содержат мораль, хотя порой клад этот погребен очень глубоко и откопать его удастся не сразу, после чего он оказывается столь скудным, что иссохшее ядрышко не оправдывает усилий, потраченных на то, чтобы расколоть скорлупу. Такова ли моя история, судить не мне. Порой мне кажется, что она может принести пользу одним и развлечь других, но пусть свет сам вынесет свой приговор. Надежно укрытая безвестностью, прошедшими годами и вымышленными именами, я не страшусь откровенно поведать читателям о том, чего не открыла бы самой задушевной подруге.

Мой отец был священником на севере Англии, пользовался заслуженным уважением всех его знавших и в молодости жил безбедно на жалованье младшего священника небольшого прихода и деньги, которые приносило крохотное имение. Мама была дочерью помещика и вышла за него наперекор своим близким, но она умела поставить на своем. Тщетно ее убеждали, что, соединив судьбу с неимущим служителем Церкви, она должна будет отказаться от экипажа, от горничной, от роскоши и утонченности, даруемых богатством, — от всего, что с детства успело стать для нее необходимым. Экипаж и горничная, отвечала она, очень скрашивают жизнь, но, благодарение Небу, у нее есть ноги, и она сумеет добраться, куда ей понадобится, и у нее есть руки, чтобы самой делать для себя все, что нужно. Красивый дом и обширный парк — соблазн немалый, но она предпочитает жить в убогой хижине с Ричардом Греем, чем во дворце с кем-либо еще.

Убедившись в тщетности уговоров, ее отец в конце концов дал влюбленным согласие на их брак, раз уж им так заблагорас-

судилось, но предупредил, что тем самым его дочь лишится своей доли наследства. Подобная угроза, по его убеждению, должна была неминуемо охладить их пыл. Но он ошибся. Моего отца пленили душевные достоинства моей матери, он знал, какое сокровище найдет в ней, и был счастлив обрести ее на любых условиях, лишь бы она дала согласие украсить собой его скромный очаг. Она же готова была трудиться собственными руками, лишь бы не разлучаться с тем, кого полюбила, чье счастье с восторгом мечтала составить, с кем уже слилась сердцем и душой. И вот предназначавшаяся ей доля отцовского состояния пополнила кошелек ее более разумной сестры, отдавшей руку богатому nabobу, она же, к удивлению и сострадательному огорчению всех ее знавших, погребла себя в смиренном домике при деревенской церкви в... Однако, вопреки всему этому, вопреки вспыльчивости моей матери и чудачествам моего отца, вы, я уверена, могли бы обыскать всю Англию и не найти более счастливой супружеской пары.

Судьба послала им шестерых детей, но только Мэри, моя сестра, и я выдержали все опасности младенчества и раннего детства. Я была моложе Мэри на шесть лет и оставалась «деточкой» и любимицей всей семьи: папа, мама, сестра меня избаловали — нет, не глупой снисходительностью, которая сделала бы меня капризной и непослушной, а ласковой заботливостью, приучившей меня к беспомощности и зависимости от них и не подготовившей к жизненным заботам, ударам судьбы и невзгодам.

Мы с Мэри росли в строгом уединении. Мама, отлично образованная и деятельная, занималась нашим воспитанием сама и учила нас всему, кроме латыни, преподавать которую нам взялся папа, а потому в пансион нас не отдали. Подходящих для нас подруг в округе не было, и наше знакомство с миром ограничивалось чопорными чаепитиями в обществе наиболее зажиточных местных фермеров и лавочников (устраиваемыми только для избежания обвинений в чванстве) да ежегодными поездками к дедушке по отцу, в чьем доме, кроме него самого, добрейшей нашей бабушки, незамужней тетушки да двух-трех пожилых дам, мы никого не видели. Иногда мама развлекала нас рас-

сказами о своей юности, о всяких забавных происшествиях. Мы обе очень любили их слушать, и — во всяком случае, во мне — они часто пробуждали тайное желание самой повидать белый свет.

Как счастлива была в юности мама, думалось мне, однако она как будто не жалела о былом. Но папа, человек по натуре чуждый беспечной бодрости, часто беспричинно мучил себя мыслями о жертвах, которые принесла ему его милая жена, и без конца ломал голову над тем, как бы ради нее и нас с Мэри пополнить свои скромные доходы. Тщетно мама уверяла его, что всем довольна. Пусть он только откладывает кое-что на будущее для девочек, и мы ни в чем не будем нуждаться ни теперь, ни потом. Но умением экономить и откладывать мой отец совсем не обладал. Он не входил в долги (то есть мама внимательно следила, чтобы этого не случилось), но полагал, что деньги, пока они есть, надо тратить. Ему нравилось, что его дом хорошо обставлен, жена и дочки нарядно одеты и не вынуждены утруждать себя черной работой. Кроме того, он был очень добр и любил помогать немущим в меру своих средств — и даже не в меру, как, возможно, считали некоторые.

И вот однажды любезный знакомый предложил ему способ разом удвоить его состояние, чтобы затем оно продолжало увеличиваться, сколько он ни пожелает. Знакомый этот был купцом очень предприимчивым и дальновидным, однако недостаток оборотного капитала несколько ограничивал его замыслы. Он щедро предложил моему отцу честную долю своих прибылей, если только тот доверит ему большую часть своего состояния: какой бы ни оказалась эта сумма, он ручается, что увеличится она по меньшей мере вдвое. Папа незамедлительно обратил свою недвижимость в деньги и все их вручил обязательному купцу, который тут же начал грузить корабль и готовить его в плавание.

Папа да и мы все с восторгом думали о том, что сулит нам будущее, хотя должны были довольствоваться отныне лишь жалованьем младшего священника. Впрочем, папа полагал, что нам вовсе не обязательно сокращать свои расходы до такой мизерной суммы, и вот, записывая на книжку у мистера Джонсона,

у Смита и у Хобсона, мы зажили даже лучше, чем прежде, хотя мама полагала, что нам следует держать себя в границах, так как надежды на богатство оставались все-таки зыбкими, — пусть только папа положится на ее умение вести хозяйство, и ему не придется ни в чем себя урезать. Однако он, против обыкновения, не желал ничего слушать.

Какие счастливые часы проводили мы с Мэри, сидя с рукоделием у огня, гуляя по вересковым холмам или отдыхая под плакучей березой — единственным более или менее тенистым деревом в нашем садике! Мы говорили о грядущем счастье — и нашем, и наших родителей, о том, что мы будем делать, что увидим, чем обзаведемся, а фундаментом наших воздушных замков были богатства, которыми одарят нас успешные торговые сделки почтенного купца. Папа тешил себя мечтами почти как мы, хотя и делал вид, будто просто посмеивается над нами, облачая свои радужные надежды и гордые ожидания в шуточки и поддразнивания, которые мне казались необыкновенно остроумными и милыми. Мама весело смеялась, радуясь его радости, но ее томили опасения, что он слишком уж многого ждет от своей затеи, — однажды я услышала, как она прошептала, выходя из комнаты:

— Дай-то бог, чтобы его не постигло разочарование. Просто не знаю, как он выдержит!

Но разочарование его постигло. И жестокое. словно гром с ясного неба пришло известие, что корабль, на который мы так уповали, потерпел крушение и утонул со всем грузом, несколькими матросами и злополучным купцом.

Я горевала о его гибели, я горевала о наших рассыпавшихся в прах воздушных замках, но молодость отходчива, и вскоре я совсем оправилась от этого удара.

Хотя в богатстве была своя прелесть, бедность нисколько не страшила меня, молоденькую и совсем не знавшую жизни. Напротив, сказать правду, в мысли о нужде, с которой нам предстояло бороться, крылось что-то вдохновляющее. Я лишь жалела, что папа, мама и Мэри не разделяют мою точку зрения, ведь тогда, вместо того чтобы сетовать и оплакивать прошлые бедствия, мы могли бы, не унывая, взяться за дело вместе, чтобы все поправить, — и чем больше поджидало нас трудностей, чем гор-

ше было наше положение, с тем большей бодростью следовало нам сносить его и с тем большим упорством преодолевать эти трудности.

Мэри не сетовала вслух, но постоянно размышляла о случившемся и в конце концов погрузилась в тихую грусть, которую не могли рассеять никакие мои усилия. Убедить ее, как я убедила себя, что тут есть и своя светлая сторона, мне не удалось бы. А впрочем, опасаясь обвинений в детском легкомыслии или глупой бесчувственности, я старательно прятала свои умные выводы и бодрящие мысли, прекрасно зная, что одобрены они не будут.

Мама думала лишь о том, как утешить папу, уплатить долги и сократить насколько возможно наши расходы, но папа был совершенно сломлен обрушившимся на нас несчастьем — здоровье, силы, твердость духа не выдержали подобного удара, и он так до конца и не стал прежним. Тщетно мама старалась его ободрить, взывая к его благочестию, к его мужеству, к его любви, отданной ей и нам. Любовь эта обернулась для него величайшей мукой: ведь богатства он столь пылко жаждал лишь ради нас, лишь мысль о нас придавала его былым надеждам столь ослепительный блеск, а его разочарование сделала таким жестоким. Он терзался и упрекал себя, что не послушался маминых советов, которые хотя бы избавили его от дополнительного бремени долгов; он винил себя за то, что позволил ей отказаться от роскоши и довольства — чего ради? Чтобы она теперь разделяла с ним все заботы и труды нищеты! Его угнетала мысль, что наделенная всеми светскими талантами красавица, которая в юности знала лишь поклонение и восхищение, теперь превращена в подобие прислуги, что руки ее заняты домашней работой, а голова — расчетами, как и на чем можно сэкономить. Готовность же, с какой она исполняла подобные обязанности, бодрость, с какой она переносила невзгоды, доброта, с какой она избегала и тени упрека, лишь подхлестывали этого искусного самобичевателя. Вот так дух терзал плоть и расстраивал нервы, а они в свой черед усугубляли смятение духа, и так продолжалось, пока его здоровье не потерпело серьезный ущерб. И никому из нас не удавалось убедить его, что наше положение далеко не так мрачно и безнадежно, как рисовало ему болезненное воображение.

Практичную коляску продали вместе с крепким сытым коньком, нашим общим любимцем, — как твердо верили мы прежде, что он кончит свои дни у нас на покое и мы никогда-никогда не отдадим его в чужие руки! Маленький каретник сдали внаем вместе с конюшней, лакей и более опытная (а потому и более дорогая) горничная были уволены. Наши платья чинились, перелицовывались и штопались почти до неприличия; наша пища, и всегда простая, теперь стала совсем уж неприхотливой — не считая двух-трех любимых блюд папы; уголь и свечи строго экономились. Вместо двух свечей — одна, которая почти не зажигалась, уголь всячески сберегался, особенно когда папа отсутствовал по делам прихода или лежал больной в спальне — в таких случаях мы ставили ноги на каминную решетку, сгребали скудные тлеющие угли в кучку и подсыпали полсовка угольной пыли и крошева, только когда они грозили вовсе угаснуть. Ковры совсем истерлись, а заплат и штопки на них было даже больше, чем на нашей одежде. Чтобы не тратиться на садовника, мы с Мэри возделывали огород, а стряпней и уборкой, с которыми одна служанка справиться не могла, занимались мама с Мэри, иногда прибегая к моей помощи. Но лишь иногда, потому что, хотя я-то считала себя взрослой, они все еще видели во мне маленькую девочку. К тому же мама, как почти всегда случается с деятельными домовитыми женщинами, не привила эти качества своим дочерям — и по весьма простой причине: слишком уж умелой и хорошей хозяйкой была она сама, а потому не любила перепоручать что-либо другим, но, напротив, предпочитала думать и делать все за них. О чем бы ни шла речь, ей казалось, что никто не сумеет справиться с делом как следует, и обычно, предлагая себя ей в помощницы, я слышала ответы вроде: «Нет, душенька, это не для тебя, ты не сумеешь. Лучше помоги сестре или пойди с ней погулять — скажи, что нельзя все время сидеть дома, не то она совсем исхудает и поблекнет».

«Мэри, мама говорит, чтобы я тебе помогла или пошла бы с тобой погулять. Она говорит, что ты совсем исхудает и поблекнешь, если будешь все время сидеть дома».

«Помочь мне, Агнес, ты не сумеешь, а пойти погулять с тобой я никак не могу, потому что у меня очень много дел».

«Так поручи мне что-нибудь!»

«Деточка, это не для тебя. Пойди повтори гаммы или поиграй с котенком».

Шитья, правда, всегда было вдоволь, но кроить меня не научили, я умела только подрубать да знала один-два самых простых шва, а потому и тут помочь толком не могла. Мама же и Мэри хором утверждали, что проще сделать все самим, чем оставлять что-то для меня, и к тому же им гораздо приятнее смотреть, как я совершенствуюсь в своих знаниях или развлекаюсь, — у меня еще будет время сутулиться над работой, точно старушка, когда мой любимый котенок станет чинной пожилой кошкой. Таким образом, хотя пользы от меня было немногим больше, чем от котенка, мое безделье имело некоторое оправдание.

За все время наших невзгод я лишь один раз слышала, как мама посетовала на то, что у нас нет денег. Однажды весной она сказала нам с Мэри:

— Как было бы хорошо вашему отцу провести несколько недель на курорте! Морской воздух и перемена обстановки, конечно, принесли бы ему огромную пользу. Но ведь вы знаете, что у нас нет таких денег, — докончила она со вздохом.

Нас обеих увлекла эта мысль, и мы горько сожалели, что она не может осуществиться.

— Ну-ну, — сказала мама, — жалобами делу не поможешь. А вот что-нибудь придумать нам, может быть, и удастся. Мэри, ты же прекрасно рисуешь! Так почему бы тебе не нарисовать еще несколько акварелей в лучшем своем стиле, не вставить их в рамочки вместе с теми, которые уже у тебя есть, и не попробовать предложить их какому-нибудь почтенному торговцу картинами, у которого хватит ума распознать их достоинства?

— Мама, я была бы очень рада, если, по вашему мнению, их купят, и не совсем уж за гроши.

— Во всяком случае, попытаться стоит, душечка. Рисуй акварели, а я подыщу покупателя.

— Как бы и мне хотелось чем-нибудь помочь! — сказала я.

— Неужели, Агнес? А впрочем, как знать! Ты тоже рисуешь недурно, и если подберешь какой-нибудь простенький сюжет, то, наверное, выйдет очень мило.

— Но я думала совсем о другом, мама, и уже давно, но только мне не хотелось об этом говорить.

— Ах вот как! И о чем же?

— Мне бы хотелось стать гувернанткой.

Мама ахнула и засмеялась. Мэри от удивления уронила шитье и воскликнула:

— Ты — гувернантка, Агнес? Да как это тебе в голову пришло?

— А что тут такого? Разумеется, учить больших девочек я не гожусь, но маленьких, наверное, сумею. И мне очень хочется! Я так люблю детишек! Мама, ну разрешите мне!

— Милочка, но ты еще не научилась заботиться даже о себе. А маленькие дети требуют гораздо больше и умения и опыта, чем дети постарше.

— Мама, мне уже девятнадцатый год, и я сумею заботиться и о себе и о других. Вы просто не знаете, какая я благоразумная и рассудительная, потому что у меня не было случая доказать это.

— Только представь себе, — сказала Мэри, — каково тебе придется в чужом доме, где не будет ни меня, ни мамы и ты должна будешь все делать и говорить сама за себя! Да еще ухаживать за кучей детей. И попросить совета тебе будет не у кого. Ты ведь даже не будешь знать, как одеться!

— Ты так думаешь, потому что я всегда все делаю так, как ты мне говоришь, и ничего не могу решать за себя. Но испытай меня, я ведь ничего другого не прошу, и ты увидишь, как справляюсь!

Тут вошел папа, и ему объяснили, о чем идет речь.

— Как! Моя малютка Агнес — гувернантка? — вскричал он и рассмеялся, на минуту забыв обычную грусть.

— Да, папа. И пожалуйста, хоть вы не возражайте! Мне так хочется, и я верю, что у меня все пойдет отлично.

— Но, деточка моя, ты нужна нам дома! — На глазах у него блеснули слезы, и он добавил: — Нет, нет! Как бы нам ни было тяжело, до этого мы еще не дошли!

— Разумеется, — сказала мама. — В этом нет ни малейшей нужды. Просто глупенькая прихоть. А потому прикуси язычок, гадкая девочка: хотя ты и готова нас покинуть, но мы с тобой расстаться никак не можем, и ты это знаешь.

И мне пришлось замолчать. На много дней. Но я не могла отказаться от своего заветного плана. Мэри теперь усердно пи-

сала акварели. Я тоже сидела с кисточками и красками, но мысли мои витали далеко. Как было бы чудесно стать гувернанткой! Увидеть мир! Начать совсем новую жизнь, самой все решать за себя, дать применение своим пропадающим втуне способностям, испробовать свои силы, самой содержать себя, откладывая что-то для папы, мамы и сестры, освободив их от необходимости кормить меня и одевать! Показать папе, чего может достигнуть малютка Агнес! Убедить маму и Мэри, что я вовсе не такая беспомощная и пустоголовая, какой они меня считают! Мне доверяют заботиться о детях, учить их и воспитывать — как это чудесно! Вопреки всем возражениям, я не сомневалась, что такая задача мне по плечу: ясные воспоминания о моих собственных детских мыслях и чувствах послужат мне куда более надежной опорой, чем наставления самого зрелого советчика. Стоит только вообразить себя на месте моих маленьких учениц, и я сразу пойму, как завоевать их доверие и привязанность, как пробудить раскаяние шалуньи, как ободрить застенчивую, как утешить обиженную, как сделать Благонравие привычкой, Учение — увлекательным занятием, а Религию — понятной и дивной!

...Чудесный долг!

Учить младую мысль, как расцвести!

Лежать юные деревца и наблюдать, как день за днем разворачиваются их свежие листочки!

И я решила не отступать от своего чарующего плана, хотя страх рассердить маму или огорчить папу вынуждал меня довольно долго хранить молчание. В конце концов я заговорила о нем наедине с мамой и не без труда добилась от нее обещания помочь мне в моих намерениях. Затем с большой неохотой дал свое разрешение папа, и, хотя Мэри все еще неодобрительно вздыхала, моя милая добрая мама начала подыскивать место для меня. Она написала родственникам папы и начала проглядывать объявления в газетах — со своими родственниками она давно уже не поддерживала никаких отношений. После ее замужества связь с ними ограничивалась редким обменом вежливыми письмами, и о том, чтобы обратиться к ним с подобным делом, разумеется, речи быть не могло. Однако мои родители так долго жили вдали от мира, что прошли месяцы, прежде чем нашлось что-то подходящее. Но наконец, к моей великой радости,

мне было предложено взять на себя заботу о птенчиках некой миссис Блумфилд, которую моя добрая чопорная тетушка Грей, знававшая ее еще совсем молоденькой, аттестовала как очень приятную женщину. Правда, муж ее, торговец, удалившийся от дел, нажив кругленькое состояньице, не желал платить наставнице своих детей больше двадцати пяти фунтов. Я, однако, была рада дать согласие, хотя мои родители полагали, что мне следовало бы отказаться.

Несколько недель пришлось посвятить приготовлениям. Какими длинными, какими скучными показались они мне! Хотя в целом были счастливым временем, полным светлых надежд и пылких ожиданий. С каким удовольствием помогала я шить мой новый гардероб, а потом и укладывать мои сундучки! Впрочем, к последнему уже примешивалась горечь, а когда вещи были уложены и все было готово к моему отъезду наутро, какая страшная тоска вдруг переполнила мне сердце! Мои близкие смотрели на меня так печально и говорили со мной так ласково, что я с трудом сдерживала подступавшие к горлу слезы, но продолжала делать веселый вид. В последний раз я погуляла с Мэри по вересковым склонам, в последний раз обошла садик и дом. Вместе с ней покормила голубей — таких ручных, что они садились нам на ладони, — а когда они вспорхнули мне на колени, я погладила на прощание все их шелковистые головки. Моих же любимцев — пару белоснежных красавцев — нежно поцеловала. Я сыграла последнюю мелодию на стареньком любимом фортепьяно и в последний раз спела папе романс — то есть я надеялась, что не в последний, но до следующего раза было еще так далеко! И как знать, может быть, тогда все это я буду делать с совсем иным чувством: обстоятельства могут измениться, и этот дом уже навсегда останется для меня лишь временным приютом. Моя же киска, моя милая подружка, уж конечно, станет другой. Ведь она и теперь почти взрослая кошка, а к Рождеству, когда я приеду домой погостить, наверное, давно забудет и товарку своих игр, и все свои уморительные проказы. Я в последний раз затеяла с ней возню, а потом сидела, поглаживая ее пушистую шерстку, пока она, помурлыкав, не уснула у меня на коленях, — и уж тут мне было трудно скрыть свою грусть. А когда пришло время ложиться и я ушла с Мэри в нашу тихую спа-

ленку, где мои ящики и мои полки в книжном шкафу были совсем пустыми — и где Мэри, как она выразилась, теперь предстояло спать в тоскливом одиночестве, — на сердце у меня стало совсем уж тяжело. Мне почудилось, что я поступаю себялюбиво и дурно, покидая ее, и когда я в последний раз опустилась на колени возле нашей кровати, то молилась о ней и наших родителей с незнакомым мне прежде жаром. Чтобы ничем не выдать свои чувства, я спрятала лицо в ладони, и они тут же стали мокрыми от слез. Поднимаясь с колен, я увидела, что Мэри тоже плакала, но мы обе промолчали и только теснее прильнули друг к другу, когда легли, потому что так скоро нас ждала разлука.

Однако утро вновь принесло надежды и бодрость духа. Отъезд был назначен на ранний час, чтобы увозивший меня экипаж (двуколка, нанятая у мистера Смита — суконщика, бакалейщика и торговца чаем в нашей деревушке) успел вернуться в тот же день. Я встала, умылась, оделась, наспех позавтракала, расцеловалась с папой, мамой и Мэри, поцеловала киску — к большому возмущению Салли, нашей служанки, пожала руку ей, забралась в двуколку, опустила вуаль и тогда — но только тогда! — залилась слезами. Двуколка покатила по дороге. Я оглянулась. Милая мама и милая Мэри все еще стояли в дверях и махали мне вслед. Я помахала им и от всей души призвала на них благословение Божье. Но тут мы начали спускаться с холма, и они скрылись из виду.

— Утро-то для вас холодновато, мисс Агнес, — заметил мистер Смит. — Вон и небо хмурится. Ну да ничего, домчим вас туда, прежде чем дождик припустит как следует.

— Да, конечно, — ответила я, стараясь говорить спокойно.

— Ночью-то сильно лило.

— Да.

— Ну, ветер хоть и холодный, а дождь, пожалуй что, и разгонит.

— Наверное.

На этом наша беседа закончилась. Долина осталась позади, и мы начали подниматься на противоположный склон. Я оглянулась и увидела колокольню, а за ней наш старый серый дом, на который как раз упал солнечный луч. Один-единственный —

деревушка и холмы вокруг были в глубокой тени. Я обрадовалась, словно доброму предзнаменованию, и, сложив ладони, вновь призвала благословение на его обитателей, но тут же поспешно отвернулась, потому что луч заскользил прочь, а видеть дом погруженным в угрюмый сумрак мне не хотелось.

Глава II ПЕРВЫЙ УРОК В ИСКУССТВЕ ВОСПИТАНИЯ

Двуколка катила вперед, ко мне вернулась бодрость, и я с удовольствием обратилась мыслями к новой жизни, которая меня ожидала. Но хотя еще только начиналась вторая половина сентября, из-за плотных туч и сильного северо-восточного ветра было очень холодно, и путь казался очень длинным, тем более что, как выразился Смит, дороги были «негодящие». Как и его лошадь — она еле-еле взбиралась по склону, вниз спускалась тихими шажками, а легкой рысцой утруждала себя, только когда дорога была ровной, как стол, или чуть наклонной, что в холмистой местности редкость, а потому до цели мы добрались лишь к часу дня. Едва мы, проехав внушительные чугунные ворота Уэлвуда, плавно покатали по гладкой, хорошо утрамбованной подъездной аллее между зелеными лужайками в купах молодых деревьев и увидели впереди среди платанов новый, но величественный дом, как мне снова стало страшно, и я пожалела, что он не расположен на несколько миль дальше. Впервые в жизни я осталась совсем одна, но отступить было поздно. Я должна войти в этот дом и жить с этих пор среди его неведомых мне обитателей. Но как? Хотя мне уже почти исполнилось девятнадцать, наша уединенная жизнь и ласковые попечения мамы и сестры плохо подготовили меня к этому, и я понимала, что многие девочки пятнадцати лет и даже моложе держались бы на моем месте с куда большей непринужденностью, уверенностью в себе и женским тактом. Впрочем, если миссис Блумфилд добра и радушна, то я как-нибудь справлюсь; с детьми, разумеется, я вскоре буду чувствовать себя совсем свободно, ну а мистер

Блумфилд... оставалось только надеяться, что видеть его я буду редко.

«Будь спокойной, будь спокойной!» — твердила я про себя и с таким усердием выполняла этот совет, так старательно приводила в порядок свои нервы и утишала биение непослушного сердца, что не сразу сообразила ответить на вежливое приветствие миссис Блумфилд, когда меня проводил к ней открывший дверь лакей. А когда, точно во сне, пробормотала несколько слов, голос мой, вспоминала я потом, мог бы принадлежать умирающей. Впрочем, хозяйка дома, как я обнаружила, едва обретя способность что-то понимать, приняла меня довольно холодно. Она оказалась высокой, сухопарой, чопорной дамой, с густыми черными волосами, ледяными серыми глазами и очень нездоровым цветом лица.

Однако она достаточно вежливо сама поднялась со мной в мою комнату и оставила там, чтобы я могла привести себя в порядок. Увидев себя в зеркале, я ужаснулась: от холода мои руки покраснели и опухли, ветер спутал развившиеся волосы и придал моему лицу лиловатый оттенок. Добавьте к этому, что мой воротничок безобразно измялся, а платье было забрызгано грязью, как и новые ботинки на толстой подошве. Но мои сундучки еще не принесли, и мне оставалось только пригладить волосы, насколько это было возможно, кое-как расправить упрямый воротничок, спуститься, громко топая, по двум лестничным маршам и, утешаясь философскими размышлениями, не без труда отыскать комнату, где меня ожидала миссис Блумфилд.

Она проводила меня в столовую, где стол еще не был убран после семейного второго завтрака. Передо мной поставили тарелку с куском бифштекса и полуостывшим картофелем, и, пока я подкрепляла свои силы, миссис Блумфилд, сидя напротив, наблюдала за мной (как мне казалось) и пыталась поддерживать что-то вроде разговора, сухо произнося общепринятые фразы. Но, возможно, вина была моя: у меня просто не было сил разговаривать. По правде говоря, все мое внимание поглощал бифштекс, но не потому, что меня терзал голод, — просто он оказался очень жестким, а после пяти часов на холодном ветру руки меня почти не слушались. С какой радостью я ограничилась бы

одним картофелем! Но было бы невоспитанным оставить бифштекс нетронутым. После бесчисленных тщетных попыток разрезать его ножом, разорвать вилкой или справиться с ним при помощи обоих этих инструментов — и все под взглядом грозной дамы напротив — я в отчаянии зажала нож и вилку в кулачках, точно двухлетний ребенок, и пустила в ход последние оставшиеся у меня силы. Сознавая, что мне следует как-то оправдаться, я испустила слабый смешок и сказала:

— Руки у меня так окостенели от холода, что мне даже трудно держать нож и вилку.

— Да, погода сегодня довольно холодная, — ответила она с ледяной невозмутимостью, которая отнюдь меня не ободрила.

Когда церемония завершилась, миссис Блумфилд увела меня в гостиную и послала за детьми.

— Вы, вероятно, найдете их знания несколько недостаточными, — сказала она. — Но у меня почти нет времени самой заниматься с ними, а для гувернантки они были, по нашему мнению, еще малы. Однако, мне кажется, они умны и очень понятливы, особенно мальчик. Право же, он украшение любой детской — благородный, с возвышенной душой. Им следует руководить, но не командовать. Нет, он просто удивителен! Всегда говорит правду и презирает всякий обман. («Прекрасно!» — подумала я.) Его сестра, Мэри Энн, — продолжала миссис Блумфилд, — требует внимательного наблюдения, но тоже очень хорошая девочка. Только я желала бы, чтобы она как можно реже бывала в детской. Ей ведь уже почти шесть лет, и она может перенять у няньки дурные привычки. Я распорядилась, чтобы ее кроватку поставили к вам в комнату, и, если вы будете столь любезны, что сами станете следить за ее умыванием, одеванием и одеждой, она обойдется совсем без няньки.

Я ответила, что с удовольствием возьму все это на себя, и тут в комнату вошли мои ученики в сопровождении младших сестричек. Мастер Том Блумфилд оказался рослым семилетним крепышом, с льняными волосами, голубыми глазами, курносым носом и розовыми щеками. Мэри Энн тоже отличалась высоким для своего возраста ростом. Она унаследовала темные волосы матери, но лицо у нее было круглым и румяным. Фанни, ее младшая сестра, показалась мне очень хорошенькой. Миссис

Бронте Э.

Б 88 Агнес Грей. Незнакомка из Уайлдфелл-Холла. Стихотворения / Энн Бронте ; пер. с англ. И. Гуровой, Н. Бухтояровой, А. Глебовской и др. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 704 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-32153-3

Писательница Энн Бронте, подобно старшим сестрам — Шарлотте, создавшей «Джейн Эйр», и Эмили, написавшей «Грозовой перевал», — вошла в блестящий пантеон классиков английской литературы XIX века. Основываясь на собственном опыте, она создала «Агнес Грей» — историю исполнения желаний молодой гувернантки. Тонкий юмор, мастерство изображения повседневной жизни и передача самых деликатных чувств во многом напоминают произведения Джейн Остин.

Следующая книга Энн Бронте, «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла», имела феноменальный успех. В мрачном Уайлдфелл-Холле, давно покинутом старинном доме, неожиданно появляется молодая женщина в черном — одинокая, независимая и прекрасная. Соседи умирают от любопытства, но красавица-незнакомка не спешит открыть тайну своего прошлого... Это семейно-психологический роман, очень смелый для своего времени и актуальный до сих пор.

В настоящее издание также вошли переводы стихотворений Энн Бронте, в которых поэтические картины природы соединяются с размышлениями о вере и духовном пути. Многие из этих стихотворений переведены на русский язык впервые. Тексты сопровождаются иллюстрациями Эдмунда Дюлака, Эдмунда Морисона Уимпериса и гравюрами по рисункам Джона Эверетта Милле и других английских художников.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ЭНН БРОНТЕ
АГНЕС ГРЕЙ

НЕЗНАКОМКА ИЗ УАЙЛДФЕЛЛ-ХОЛЛА
СТИХОТВОРЕНИЯ

Ответственный редактор Людмила Ворончихина
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова, Екатерины Мишиной
Корректоры Валентина Гончар, Анна Быстрова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.03.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 43,12. Заказ №

Иготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-1UN-41445-01-R